

СКАЖИТЕ, ДОКТОР

Ведущий рубрики - доктор Шагвич

Истории от доктора Отделение (Продолжение)

*****

— Скажите, а это больно? — совсем молоденькая, лет восемнадцать на вид, девушка не могла найти себе место и всё время нервно ходила по палате.

— Да нет. Под наркозом ничего не почувствуешь. Укол в вену сделают, уснёшь, проснешься, и всё уже позади. А ты что, в первый раз?

— Я... вообще первый раз... беременная.

— И что, окончательно решила? Не будешь оставлять?

— Я ещё сама не знаю, — у девушки внезапно выступили на глазах слёзы, она легла в кровать, отвернулась к окну и накрылась с головой одеялом, всем видом показывая, как ей плохо.

Палата вмещала четыре койки, и все были заняты. Справа от входа расположилась красивая, похожая на артистку женщина лет тридцати. В модном, явно импортном разноцветном халате, под которым проглядывалось красивое нижнее бельё. Причёска, осанка, выражение лица — всё выдавало в ней особую породу. Она ни с кем не разговаривала, отрешённо смотрела в окно, будто кого-то ждала. Может, выхода на сцену?

Рядом кровать занимала полная, не очень красивая и не очень ухоженная женщина слегка под сорок. С потухшим безнадежным взглядом и в обречённой позе. Она почти не разговаривала, только в самом начале попросила, чтобы её не брали первой, а лучше ближе к концу. Может, ещё надеялась передумать, а может, оттягивала момент, когда уже опять надо будет возвращаться домой.

С другой стороны лежала болтающая без паузы крашеная дама средних лет и крупных размеров с большим шиньоном на голове. Она без умолку возмущалась, что перед наркозом ничего нельзя кушать, хотя очень хочется.

— Ну, и куда мне всё это девать? Я столько наготовила вкусного и взяла с собой, а теперь... Бабоньки, может, всё-таки будете со мной по чуть-чуть? Я знаю, что нельзя, но может по чуть-чуть можно? Ладно, зато потом поедим. У меня всегда аппетит после этих дел. Ну, вы понимаете.

— Послушайте, женщина, вы же не в поезде и не на базаре. Оставьте нас в покое, — «артистка» раздражённо и демонстративно отвернулась.

— Так, а я действительно на базаре работаю. Весовщиком. Так что, если надо будет... А вы врачу платили? А я заплатила. Так надёжней. А то подсунут какого-нибудь начинающего. Страшно мне немного, а вам?..

*****

Тане ещё не было и семнадцати. Несколько месяцев назад она поступила в педагогический институт, на совершенно «мужской» казалось бы факультет, на котором тем ни менее царил абсолютный матриархат: физика и математика. Точные науки притягивали её всегда, в магии чисел и законов природы было что-то завораживающее. Они влекли девушку к себе возможностью прикоснуться к тайне неведомого и желанием её раскрыть. Участница городских и областных олимпиад, девушка закончила физико-математическую школу с золотой медалью и сдала экзамен в институт без особых проблем. Учёба давалась легко, преподаватели нравились, группа подобралась неплохая.

Правда, на девять девчонок всего два парня, но подобные вопросы занимали не особенно много места в Танечкиной голове. Там властвовали математические формулы и физические законы. Свободное время она больше проводила дома за учебниками, и от студенческих вечеринок и мероприятий отказывалась. Не то, чтобы общение в кругу сверстников было ей не интересно. Напротив. Это манило и притягивало. Но ещё больше пугало. В Танином представлении любые отношения могли отвлечь её от намеченной цели, изменить вектор интересов, сбить с предназначенного пути. Все эти встречи, ухаживания, переживания были нерациональны и неперспективны. А, значит, не нужны.

Денис выделялся на курсе не только наличием собственных «Жигулей», импортными вещами, пижонской, но очень привлекательной внешностью, но и самим фактом своего присутствия и учёбы именно в педагогического институте. Несмотря на квоты, представители сильного пола терялись на фоне подавляющего большинства будущих невест. Парень он был неглупый, мог поступать в любой ВУЗ, но почему-то выбрал именно этот.

— Тебя зовут Таня? Я тебя много раз видел. Ты же учишься на нашем курсе, — то, что Денис обращается именно к ней, Татьяна поняла не сразу. И даже привычно оглянулась, нет ли кого-то рядом из девушек. Нет, она была в коридоре одна, её действительно звали Таня, и юноша обращался именно к ней.

— Слушай, ты бы не могла помочь мне по физике? Я что-то не понял в последней теме, а скоро зачёт. В общем, ты не откажешься позаниматься со мной? Я слышал, ты в этом предмете разбираешься лучше всех.

— Да, конечно, я могу. Да, и тема там несложная. Запросто, — Таня сначала опешила и немного испугалась, но взяла себя в руки, успокоилась и с радостью согласилась.

Конечно, Денис ей нравился. Он нравился всем девчонкам на курсе. Да по-другому и быть не могло. Весёлый, симпатичный, общительный. Душа компаний и заводила, отлично играет на гитаре и неплохо поёт, здорово разбираясь в современной музыке.

— У меня предки уехали на выходные, и дома будет тихо. Приходи в субботу. В три, тебе будет удобно? — Денис светился абсолютным дружелюбием и открытостью.

— Мне было бы удобней в два, — Таня пыталась скрыть и замаскировать понезаметнее появившийся восторг и ещё какое-то другое незнакомое чувство, потревоженное очень глубоко в её сознании.

— Отлично. Значит, в два я за тобой заеду.

— Спасибо. Я доберусь сама, давай адрес, — девушка всё ещё пыталась не показывать свою заинтересованность, а совсем наоборот — демонстрировать независимый характер и контроль над ситуацией.

Квартира Дениса совершенно отличалась от того, что привыкла видеть Танечка. Большая, пятикомнатная, в сталинском доме в центре. Какие-то повороты, закоулки, бесконечные комнаты, два туалета и два огромных балкона — ей показалось, это была не квартира, а целый дворец. Она почувствовала себя Алисой в стране чудес. Девушка всегда считала себя выше всего этого, но тут... Она попала под обаяние этой особенной квартиры и её симпатичного и предупредительного хозяина.

— Хочешь что-нибудь выпить? У меня есть отличный ликёр, предки привезли из-за границы. «Бейлис». Не слышала? Он чёрно-белый. Как жизнь. Как инь и янь. Как мужчина и женщина. Попробуй, вкусно, тебе понравится.

Танечка не пила алкоголь. Вообще. То ли из принципа, то ли в

силу своего воспитания. В семье это было не заведено, а больше до сих пор ей никто и никогда не предлагал. Тем более вот так, с таким очаровательным предвкушением, что обязательно хотелось попробовать.

Тему по физике ребята прошли быстро. Слишком быстро. У Тани даже закралось сомнение, что Денис всё знал и до её объяснения, но только делал вид, что не понимает. Но эта догадка ей совсем не мешала, даже наоборот. Появилась радость и лёгкость. Может, виновата была та самая капля «Бейлис», а может его близость, но Тане было так хорошо рядом с ним, как никогда раньше.

Денис захватил её всю, не давая опомниться. Они виделись теперь почти каждый день, он дарил ей цветы, приглашал в какие-то взрослые компании, где было жутко интересно. Они много ездили по городу на его машине, заезжали в бесконечные кафе, где пили кофе по-восточному и ели мороженое. Иногда пробовали вино. Молодой человек даже пригласил однажды в ресторан. В таких заведениях Таня не была отродясь. Всё это было так неожиданно интересно, захватывало девушку всё больше. Да и в голове происходило нечто невообразимое. Чувство, что без Дениса мир теряет краски, становясь не таким ярким и волшебным, как с ним. Ощущение, что молодой человек начинает занимать столько пространства внутри неё, что там почти не остаётся места для её любимых предметов и прошлых, казавшихся уже не такими важными, интересов. А иногда Таня ощущала, что там, внутри, нет места и для неё самой. Она замечала, как уменьшается её личное жизненное пространство. Но самое неожиданное было то, что все эти чувства совершенно не пугали, не вызывали ощущения потери чего-то важного на выбранном ею пути.

Это была любовь. Первая, настоящая, девичья любовь.

— Танечка, милая моя девочка, я так сильно люблю тебя. Знаешь, ты когда на меня смотришь..., ты такая красивая. И совершенно особенная. Ты — единственная моя. Мне очень хорошо с тобой. Я обещаю, мы всегда будем вместе. Всегда-всегда. Обещаю. Я так люблю тебя.

От его слов кружилась голова, замирало сердце, а внизу живота появлялось непривычное тепло. Не хотелось думать ни о чём, только смотреть в его бездонные любящие глаза и верить.

То, что женские дни не пришли второй месяц подряд, а по утрам слегка подташнивало, сначала не вызывало никаких опасений и тревог. Тем неожиданней прозвучали слова врача в женской консультации о каких-то непонятно откуда взявшихся восьми неделях беременности.

— Если не захочешь рожать, знай: первый аборт — вещь опасная. Сделаешь, а потом будешь страдать всю жизнь бесплодием. Кто тебя такую замуж возьмёт? — доктор в застиранном халате была не из деликатных.

Первый и единственный, кому Таня всё сразу рассказала, был, конечно, Денис. Рассказала со страхом, но и с надеждой. Она ожидала поддержки, успокоения, сочувствия. Тем неожиданней и больнее было услышать, что это всё её женские проблемы, а его происходящее с ней не касается.

Он стал избегать встреч, уходить от попыток поговорить и вообще делать вид, что между ними всё кончено.

Но однажды Тане удалось встретиться с ним наедине.

— Знаешь, у меня все чувства странным образом прошли. Мне с тобой скучно и неинтересно. Мы совершенно разные. И вообще, наверное это было ошибкой, увлечением, а не тем, что мне сначала показалось. Короче, я тебя на самом деле

совсем не люблю, и ты должна сделать аборт. Мне, во всяком случае, этот ребёнок не нужен. Если потребуются деньги, дай знать, я помогу. И больше не беспокой меня и не преследуй. Мне это всё надоело. И вообще, у меня теперь есть девушка, у нас всё серьёзно и по-настоящему, мы собираемся пожениться, а ты мешаешь и навязываешься, — Денис ушёл не оглянувшись.

Таня проплакала несколько дней, потом впала в молчаливый ступор, не желая никого ни видеть, ни слышать. Но девушка оказалась сильной натурой. Она попыталась взять себя в руки, привести чувства в порядок и посмотреть на ситуацию со стороны. Жизнь продолжается. Вот только надо убрать эту никому ненужную беременность, и всё встанет на свои места, всё будет по-старому. Её математика, её цели и надежды. Но только почему всё время хочется плакать?..

— Да у него на каждом курсе по два десятка таких, как ты. Думаешь, почему он поступил в педагогический? Дорвался. И знаешь, ты извини конечно, но я слышала, он вообще поспорил с ребятами, что сможет тебя, такую недотрогу, соблазнить, — девушка из параллельной группы, знакомая ещё по школе, хотела помочь и как-то поддержать, но оказалось ещё большее.

«Поспорил?! Не может быть. Хотя... Получается, выиграл. Но, всё-равно, я сильная, я выдержу! Я всё выдержу и вытерплю! Надо только избавиться от этой проклятой беременности. И тогда начну жизнь заново. С чистого листа. И без него. И надо постараться не плакать».

*****

Первый ребёнок родился у Галины уже через месяц после свадьбы — она выходила замуж на восьмом месяце беременности. Андрей сначала не хотел жениться «по залёту», но её родители надавили, припугнули, наобещали, и молодые подали заявление в ЗАГС. Особой любви к своему новоиспечённому мужу девушка не испытывала, но он был первый и единственный, а главное — отец будущего ребёнка. Они были обычной семьёй, каких огромное число. Не лучше, и не хуже. Жили как многие. Работали, копили на холодильник и телевизор, ездили раз в году на море и воспитывали дочь. Так сложилась жизнь. Как у многих. Как у большинства.

Когда Галка забеременела снова, решили, что второй ребёнок ещё рано. Не потянут. Первой дочери вон и года нет, куда ещё одного. Да и жить негде. С родителями в двушке?

Она сделала аборт. Плакала, переживала, винила себя и свою судьбу. Но сделала. Быстро, не оглядываясь, чтобы не передумать.

Третий и два последующих аборта Галина приняла как должное. Она замужем — значит может забеременеть. Но рожать невозможно. Значит, надо делать аборт. Правда, седьмую беременность они всё-же решили оставлять. Им повезло, родился мальчик — наследник фамилии и помощник отцу.

Ну, а потом женщина беременела раз в год. Стабильно. Как по часам. И аборт стал для неё уже даже не просто прерыванием беременности, а скорее способом регулировать рождаемость в семье. Такой вариант контрацепции на свой манер. Вставлять спираль ей было противопоказано из-за каких-то анатомических особенностей, а другие возможности предохраняться муж отвергал категорически — ему не нравилось. Вот так и жили.

Нет, она их, конечно, считала — своих нерождённых детей. И точно знала, что сегодня будет в двенадцатый раз. Иногда их было жалко, но ещё жальче было себя. Обидно за свою потрёпанную женскую судьбу и не очень удачно сложившуюся семейную жизнь. Что прожила её впопыхах, в серых тонах, без любви, без страсти, так и не испытав ничего особенного и яркого. И другой не будет. А ещё ей было жаль эту молоденькую

плачущую девчонку – соседку по палате – залетела дурёха, наверное, по страшной любви, а теперь сама расхлёбывает.

*****

Наташа действительно была артисткой городского театра оперы и балета. Не прима, но несколько сольных партий исполняла. В театре она служила уже более трёх лет, правда, чаще приходилось петь на второстепенных ролях, а то и подтягивать своим сильным голосом хор. В примах уже давно числилась бессменная Ветлицкая. Голос у неё был довольно-таки посредственный, но все знали, что она близка с главным, и роли доставались ей не благодаря певческому таланту, а способностям совсем иного свойства.

Наталя чувствовала себя неустроенной не только профессионально. В семье тоже давно не ладилось, всё шло к разводу, и у мужа, кажется, уже давно кто-то был на стороне. Короче, сплошная драма в миноре.

Наталя чувствовала, что ещё пару лет такой профессиональной невостребованности – и голос пропадёт. Надо было принимать конструктивное решение, и она пошла к Ербицкому.

– Наталя Михайловна, присаживайтесь, голубушка, и объясните мне ради Б-га, что всё это означает, – главный режиссёр театра бросил на стол листок с её заявлением на увольнение по собственному желанию, – что-то случилось или нашли другое место работы?

– Вы же всё сами понимаете, Евгений Семёнович. Я просто устала. Устала ждать настоящих ролей, смотреть, как мои партии достаются другим. Я деградирую, теряю голос. А я ведь была лучшей на курсе в консерватории, а что теперь..., – слёзы брызнули из глаз совершенно неконтролируемо. Ей было неловко за свою слабость, но уж очень всё наболело и сдерживаться не оставалось сил.

– Ну, что же Вы, дорогуша, не плачьте, – Ербицкий вскочил и протянул ей платок. Он пытался её успокаивать, поглаживая по голове, – Наташа, не плачьте, ну не надо, я Вас прошу, – его изменившийся в тембре голос дрогнул.

Он стал промакивать слёзы на её щеках, мягко приподнял лицо за подбородок, посмотрел ей в глаза и внезапно поцеловал. Слегка касаясь Наташиных губ, как будто невзначай. Но не встретив сопротивления, Евгений стал целовать всё: лицо, глаза, шею. Касался губами рук, шептал какие-то ласковые слова о том, что она уже давно ему нравится. И какая она красивая и необыкновенная. То ли успокаивал, то ли признавался в любви.

Наташа не оттолкнула его. Ей было стыдно признаться, но всё происходящее не вызывало у неё неприятия. Даже наоборот. Наверное, виной тому было длительное отсутствие интимной жизни, а может ощущение, что ей уже нечего было терять. К тому же, Ербицкий всегда казался ей симпатичным и привлекательным мужчиной. Он был талантлив, обаятелен и обладал интеллектом. Сама от себя этого не ожидала, но она ответила. Сначала одними губами. Потом, уже на диване в комнате за его кабинетом, её руки обхватили его шею, искали его глаза, а тело становилось невесомым.

В постановке новой оперы у Наташи уже была главная роль. Вернее, вторая главная роль. Ербицкий не стал рушить за собой все мосты, опасаясь скандала, и начал репетировать спектакль с двумя ведущими партиями.

Внезапно, но ожидаемо с Натальей Михайловной стали все здороваться, искать дружбу и даже заискивать. Она не была уверена, что всё происходящее ей по душе, неискренность претила женщине, но что было делать. Она обязана была

играть по этим правилам.

К сожалению, отношения с Евгением, если быстрые встречи в его кабинете можно было назвать таковыми, были лишены какой-либо любви и страсти. К тому же, стали со временем несколько утомительны и вскоре понемногу начали её тяготить. Иногда они снимали номер в гостинице, но и там всё происходило пресно и второпях. Любовник он был так себе. Но это было всё, что она имела в этой жизни. И не хотела ничего менять.

Всё решилось как-то само собой. На ежегодных гастролях в другом городе она неожиданно застала в гостиничном номере у Ербицкого его «бывшую» пассию в недвусмысленном положении. Скандала устраивать Наталья не стала, но и выслушивать его оправдания не захотела. Ушла гордо, с высоко поднятой головой, считая себя более не обязанной.

То, что она беременна, Наташа поняла сразу, с первых признаков. Стало труднее петь, голос отяжелел, грудь округлилась, окружающие стали раздражать и неприятно резко пахнуть.

Много лет назад она уже была беременна. Незапланированно и некстати. Тогда девушка заканчивала последний курс консерватории, уже имела распределение в крупный известный театр, а тут такое. Все, кроме мужа, были против сохранения беременности. Преподаватель вокала гремел своим басом так, что дрожали стены. Он орал, что она может всё потерять: и голос, и карьеру, и будущее. Родители тоже считали, что рожать ей рано. И она под их общим давлением сделала аборт.

Отглядываясь назад, Наташа понимала, что уже тогда её семейные отношения дали первую трещину. Супруг так и не смог простить ей того, что она выбрала карьеру, а не семью.

Как поступить сейчас, вопроса не возникало. Само представление о том, что она беременна от Ербицкого, вызывало у женщины чувство лёгкого отвращения и желание поскорей от неё избавиться.

*****

Тоня познакомилась с будущим мужем на танцах в сельском клубе. Ей только-только стукнуло шестнадцать, и бабушка, у которой она жила после бегства из семьи отца и смерти матери, первый раз отпустила девочку с подружками на дискотеку. Тоня была нежная и стройная, как осинка, с голубыми доверчивыми глазами и русыми тугими косами. А ещё простодушна и по-девичьи наивна. Пётр подошёл к ней первым из группы местных парней, по-хозяйски расположившихся у входа в клуб. Он был на пару лет старше и через несколько месяцев уходил в армию. Пригласив на танец, мужчина крепко держал девушку в объятиях, всё больше прижимаясь к ней всей грудью. От него пахло алкоголем, луком и несвежим телом, но Тоня боялась оттолкнуть его или сделать что-то не так. Парень танцевать не умел совершенно, наступал ей на ноги, делал больно, но это был первый Тонечкин танец с «настоящим» мужчиной, а значит так, наверное, и должно быть. А значит, надо терпеть.

Она терпела, когда он её грубо и пьяно целовал. И когда через две недели взял силой. Девушке было больно и неприятно, но так, наверное, всегда в первый раз. И она терпела. Мучилась, страдала от боли, плакала от обиды и унижения, но терпела.

Тоня дождалась Петра из армии и буквально через месяц забеременела. Они решили пожениться. Будущий муж пил запойно, без просветов. Когда напивался до чёртиков, становился невменяемым и агрессивным, и часто поднимал на беременную Тоню руку.

Любви не было, да чего там – не было ни привязанности, ни уважения. Только злополучный семейный долг. Девушка понимала всё отчётливее, что вот это и есть её жизнь, её судьба. Терпеть. Без чувств, без влечения, без страсти.

Ребёнок родился семимесячным и с пороком сердца. Врачи давали ему жить от силы три месяца. Но Тоня не сдалась и повезла мальчика в столицу. Там сделали сначала одну, затем вторую операцию, долго выхаживали, и ребёнок выжил. Слабенький, с отставанием в физическом и умственном развитии, но он остался жить на радость маме. Отец по-прежнему пил, не просыхая, к ребёнку не прикасался, всё переложив на жену.

Второй ребёнок умер через неделю после родов. «Ваш муж алкоголик, у него не может быть здоровых детей», – врачи советовали Тоне больше не беременеть.

Пётр потерял очередную работу, больше его куда не брали, денег не хватало катастрофически, и они решили переехать в город, где Тоня устроилась на городской рынок уборщицей. Мужа взяли после прохождения длительного лечения в наркологии на стройку с испытательным сроком. Жизнь стала как-то налаживаться, и Тоня решила на ещё одного ребёнка.

Мальчик родился с синдромом Дауна. Опять начались бесконечные больницы, анализы, лекарства. Муж снова запил ещё хуже прежнего, вынося из дома последнее. Денег с Тониной работы не хватало, жили почти впроголодь, иногда доедая фрукты и овощи из мусорного контейнера на рынке.

Директор рынка, старый мудрый еврей Семён Аронович, видел столько страданий за свою долгую жизнь, что Тонина судьба не представлялась ему чем-то особенно тяжёлым и трагичным. Так жила половина страны, половина семей. И тем ни менее он помог молодой женщине. Когда освободилось «хлебное» место весовщика, директор поставил на него Тоню, параллельно отправив учиться заочно в торговый техникум.

Как женщина всё это выдерживала, было известно лишь Господу Б-гу, но она справлялась. И с двумя больными детьми, и с работой, и с учёбой. И со своей тяжёлой бабской долей.

Как она умудрилась снова залететь, было совершенно не понятно. С мужем давно уже ничего путёвого не было, так, одна суета. А с Павлом, рубщиком мяса со второго отдела, она всегда предохранялась. Да и тогда, в профилактории, как там его звали, тоже, вроде. Но как бы там ни было, рожать она ни от кого не собиралась и решила на первый в своей жизни аборт. Было жалко ребёнка, но жизнь только понемногу вошла в колею, всё налаживалось и не хотелось ничего менять. Да и сил начинать всё сначала уже не было.

***

– Сеня, солнце моё, очень нужна твоя помощь, – заведующая терапией редко бывала в таком заискивающе-просящем положении, – понимаешь, у меня племянница из Питера, совсем психуха, нет и пятнадцати, забеременела, дрянь такая. И досиделась уже, бестолочь, до двенадцати недель.

– Точно до двенадцати? Не больше? – Семён уже чувствовал подвох.

– Ну, может на пару дней больше. Около четырнадцатой. Но не ломать же жизнь девчонке. Родители не знают, но я всё подпишу. Помоги, дорогой, только ты и сможешь в таком сроке. Спасай, я на тебя всю жизнь буду молиться.

– Молиться? Ну-ну. А ты что, верующая? А ещё коммунистка называется, – он прервал её и рассмеялся. Понятно уже, что отказать не сможет, и придётся выкручиваться.

Девушка выглядела старше своих лет, да и беременность значительно превышала все допустимые сроки. Но не

впервой, должен будет справиться.

Семён Львович давно перестал считать количество принятых родов и сделанных аборт. Он всегда хотел, чтобы на одно прерывание беременности приходилось двое новорожденных. Чтобы грехи замолишь. Но как до двух тысяч деток дошёл, так и прекратил. Заняв пару лет назад после окончания клинической ординатуры при кафедре должность заведующего отделением, ему приходилось нередко выходить из подобных ситуаций. Кто-то всё время беременел: то невопад, то не тогда, то не от того. А он помогал, как мог. И когда не мог, помогал тоже.

Плод он у девочки убрал почти полностью быстро, в матке оставалась только крупная головка, которая никак не хотела извлекаться. Пришлось брать большие щипцы. Сначала он подумал, что достал части серого вещества головного мозга, но когда почувствовал неприятный запах, с ужасом понял, что это... содержимое кишечника.

Вместе с хирургами они боролись за девочку почти шесть часов, позашивав матку и двенадцать дырок в толстом кишечнике. Он сидел у её кровати в реанимации и молил Б-га, чтобы она выжила. Девушка выжила, выздоровела и уехала. А он остался жить со своей первой в карьере перфорацией матки и с этими двенадцатью повреждениями в кишечнике. И седьми висками.

Как говаривал в своё время уважаемый учитель профессор Судович, настоящим врачом-гинекологом становишься только тогда, когда сделаешь первую перфорацию матки или потеряешь первого ребёнка в родах.

Теперь он стал.

Прошёл год. В больнице праздновали восьмое марта, и состояние сотрудников соответствовало поводу. Трезвыми оставались, наверное, только новорожденные в послеродовой палате.

– У нас, похоже, криминальный аборт в приличном сроке, – голос сестры приёмного покоя был испуган, – давайте быстрее, она сильно кровит и давление не держит.

Семён Львович был не самый трезвый, но он был заведующим отделения. А значит, и под танки бросаться надо было именно ему.

В приёмном он вмиг отрезвел, увидев, кого именно привезли. Это была его прошлогодняя «крестница» с двенадцатью зашитыми отверстиями в животе.

Состояние девушки становилось критическим. Кто-то уже пытался нелегально и безуспешно прервать её очередную незапланированную беременность на очень запущенном сроке. Но очевидно, не справился, зато сделал несколько перфораций матки, а возможно и кишечника. Она сильно кровила, начинался перитонит и инфекционный шок.

– Деточка, боюсь, матку придётся удалять. Иначе, тебя не спасём. Ты согласна?

– Да... если надо...

Матку он всё-таки сохранил. Получилось. Наверное, на Самом Верху пожалели. Он ушил все повреждения на матке и в кишечнике, задренировал живот, перелил кровь. Когда кровь в больнице закончилась, сдал пол-литра своей одноклассниковой. И потом неделю жил в отделении, выхаживая девочку. Менял собственноручно повязки, промывал дренажи, а по вечерам на ночь читал ей своих любимых Стругацких и Гашека.

В последующие несколько лет он «родил» ей путём кесарева сечения двух здоровых деток, она специально приезжала к нему на операции. И ещё несколько лет Семён получал письма с детскими рисунками своих крестников из далёкого города на Неве.

С тех пор доктор аборт больше не делал. Никогда.

Ваш доктор Шавич